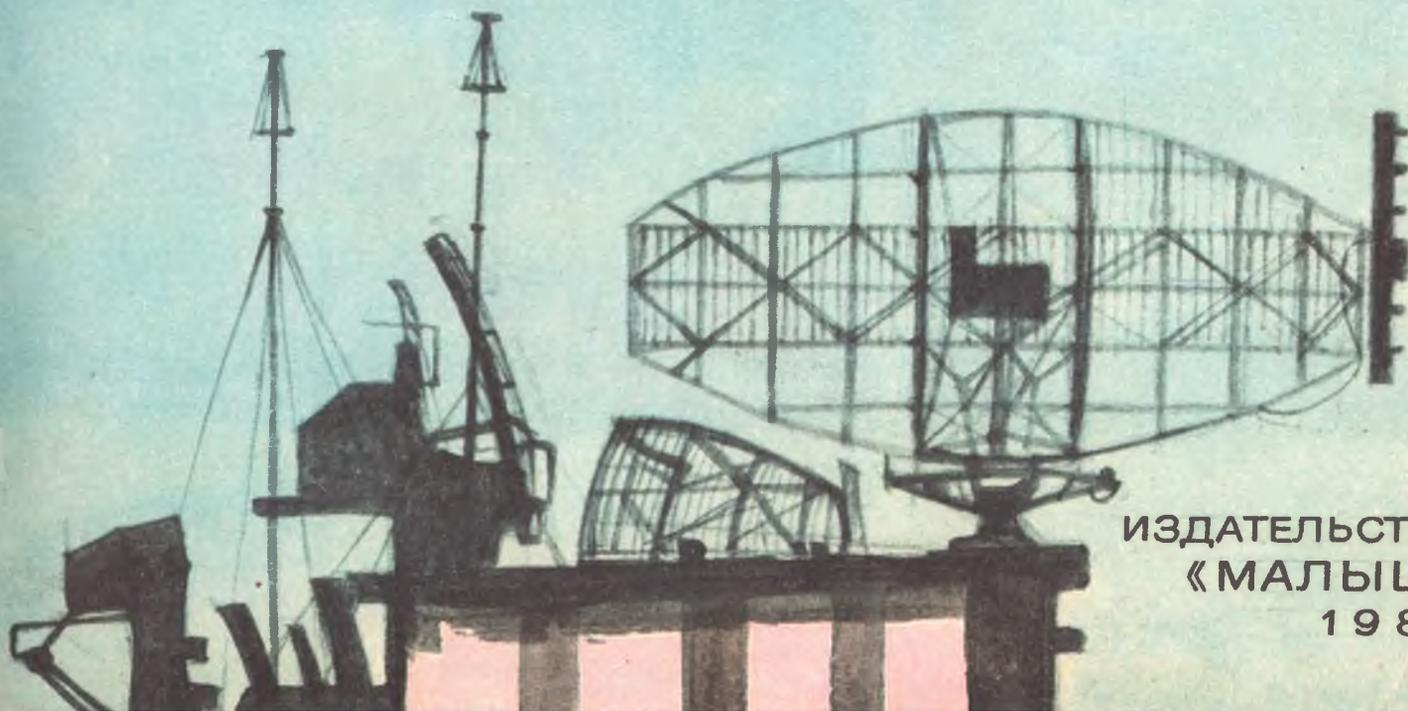

БОРИС
НИКОЛЬСКИЙ

КАК ЖИВЁТ АЭРОДРОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1987

БОРИС
НИКОЛЬСКИЙ

КАК ЖИВЁТ АЭРОДРОМ

ХУДОЖНИК
Ю. КОПЕЙКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА 1987

УДИВИТЕЛЬНЫЙ САМОЛЁТ

Однажды посчастливилось мне побывать на военном аэродроме.

Но так уж случилось, что первым делом попал я не на аэродром и не в военный городок, где живут лётчики, а на полигон.

Я поднялся по узкой, длинной лестнице на вышку и оказался в небольшом застеклённом помещении. Посередине, за пультом управления, перед микрофоном сидел офицер с красной повязкой на рукаве.

А далеко внизу перед нами раскинулся полигон — огромная равнина, кое-где покрытая чахлым кустарником. Повсюду виднелись опалённая трава и большие и маленькие воронки от бомб. И по всей равнине были расставлены — где рядами, а где поодиночке — фанерные макеты танков, самолётов, ракет и пушек.

Офицер нагнулся к микрофону и сказал:

— Семьсот четвёртый, вас вижу, подход разрешаю!

Я прижался к стеклу и стал смотреть в небо, пытаюсь отыскать самолёт. Но там, высоко в небе, плыли лишь облака.

Я продолжал смотреть в небо, и тут вдруг раздался оглушительный грохот. И сообразить я даже не успел, откуда появился самолёт. Казалось, он выскочил из-за леса, пронёсся над самыми верхушками деревьев, над фанерными танками и исчез. А там, где только что стоял фанерный танк, клубилось тёмное облако взрыва.

«Ладно, — подумал я. — В следующий раз не прозеваю!»

Я принялся во все глаза смотреть туда, где на горизонте темнел лес. Даже зарябило у меня в глазах.

Рёв двигателей возник внезапно.

Я завертел головой, пытаюсь понять, где самолёт. На этот раз он словно возник сам собой в зените неба и теперь стремительно и неотвратно мчался вниз, к земле. И вдруг от самолёта отделилась ракета, а самолёт круто взмыл вверх.

Я ещё не успел опомниться, а в небе над полигоном снова появилась тёмная точка и, разрастаясь, яростно ринулась вниз.

«Ага, всё ясно, снова ракету пускать будет»,—решил я.

И тут огненная струя протянулась от самолёта до самой земли. Раз! И, словно разрубленный пополам, развалился фанерный макет бомбардировщика. Это ударила скорострельная пушка.

А небо над полигоном опять уже было чистым.

И тогда я подумал: «Должно быть, мне здорово повезло — за какие-нибудь несколько минут я сумел увидеть три разных самолёта!»

Первый — тот, что пронёсся над самой землёй и сбросил бомбы — это, конечно, бомбардировщик. И я загнул один палец.

Второй — тот, что обрушился с высоты, из-за облаков, — наверное, ракетоносец. И я загнул ещё один палец.

И, наконец, последний — который бил из скорострельной пушки, — это, ясное дело, истребитель. И я загнул третий палец.

Но тут в мои подсчёты вмешался офицер.

— Вы ошибаетесь,—сказал он.—Вы видели один и тот же самолёт. Да, да, один и тот же.

— Что же это за самолёт такой? Бомбардировщик?

— Верно. Бомбардировщик.

— Или всё-таки истребитель?

— Точно. Истребитель.

— Но разве так бывает?

— Бывает! Ещё как бывает! Оттого этот самолёт так и называется: истребитель-бомбардировщик. Понятно?

— Удивительный самолёт!—сказал я.—Удивительный!

ЧЕТЫРЕ МАЙОРА АГЕЕВА

На другой день приехал я на аэродром. Уж очень мне хотелось посмотреть, что за люди управляют таким замечательным самолётом.

А тут как раз приземлился истребитель-бомбардировщик, пробежал по бетонной полосе, зарулил на стоянку. Красавец самолёт!

Рядом со мной остановился лейтенант, тоже на самолёт смотрит. Я его спрашиваю:

— Вы не знаете, кто управляет этим самолётом?

— Пилот, майор Агеев.

— А кто прокладывает курс? Кто определяет, как точнее выйти к цели?

— Штурман, майор Агеев.

— А кто держит связь с землёй?

— Радист, майор Агеев.

— А кто наводит ракету на цель, кто нажимает гашетку скорострельной пушки?

— Стрелок, майор Агеев.

Вижу: улыбается лейтенант. Разыгрывает он меня, что ли?

Но не успел я ему ничего сказать, как уже открылась кабина самолёта, выбрался оттуда лётчик. Один. Снял лётный шлем, улыбается, протягивает мне руку:

— Будем знакомы. Майор Агеев.

— Выходит,—говоря,—вы и пилот, и штурман, и радист, и стрелок?

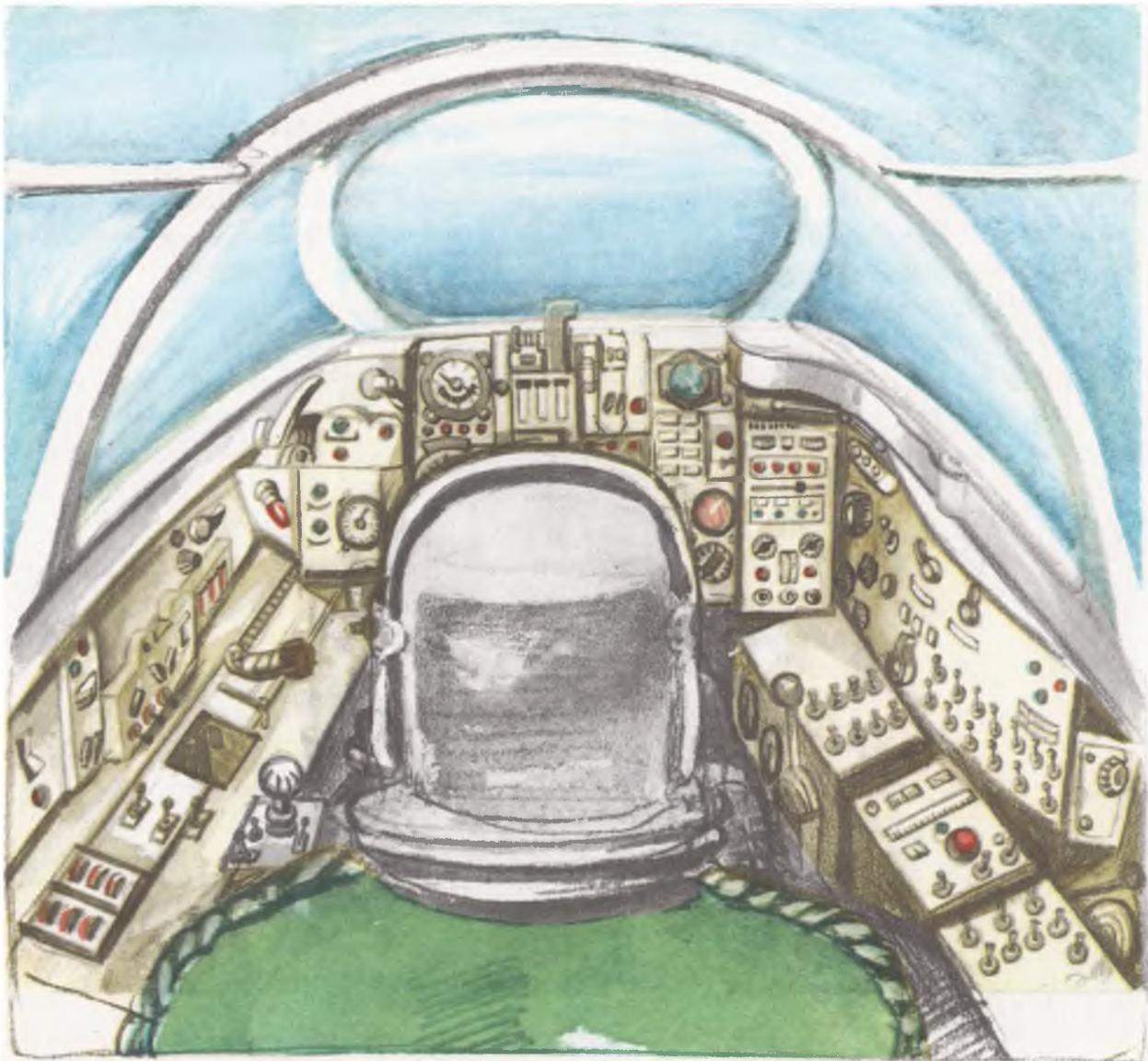
— Так точно,—отвечает он,—и пилот, и штурман, и радист, и стрелок.

— Значит,—говоря,—вы один, без всяких помощников, с таким замечательным, с таким сложным самолётом управляетесь?

— Да как вам сказать,—смеётся майор Агеев,—один-то один, да не совсем один.

— Не понимаю. Как это так: и один—и не совсем один?

— А вот подождите немного, я освобожусь,—говорит майор Агеев,—пройдёмся вместе с вами по аэродрому. Тогда и решим: один я летаю или не один...

ТЕХНИК ПЕРЧАТКИН

Первым, к кому мы направились, были люди в комбинезонах и шлемах. Они работали возле самолётов, и, чтобы не мешать им, мы остановились поодаль.

— Это авиационные техники,—сказал майор Агеев.—Они готовят самолёт к вылету. Осматривают, проверяют—чтобы ни одна деталь, ни один прибор не подвели лётчика в воздухе...

Он говорил ещё что-то, но его слова заглушил ужасный грохот. Никогда раньше не слышал я такого грохота. Казалось, даже воздух вокруг дрожит и колеблется. Это техники вместе с лётчиками проверяли двигатели самолётов.

«Вот почему, оказывается, техники носят шлемы с радионаушниками,—подумал я.—Иначе в таком громе кричи не кричи, ничего не услышишь...»

— Был у меня такой случай,—сказал майор Агеев, когда рёв двигателей прекратился и снова наступила тишина,—прислали к нам техника—лейтенанта Перчаткина, сразу после училища. Парень, казалось бы, хороший, старательный. Скоро доверили ему самостоятельно готовить к вылетам мой самолёт. Всё шло нормально, только однажды возвращаюсь после полёта и вижу: лейтенант сам не свой.

«Что с тобой, Перчаткин?—спрашиваю.—Случилось что-нибудь?»

«Нет, нет,—говорит,—ничего не случилось».

Ну, ничего так ничего. А вечером Перчаткин ко мне подходит

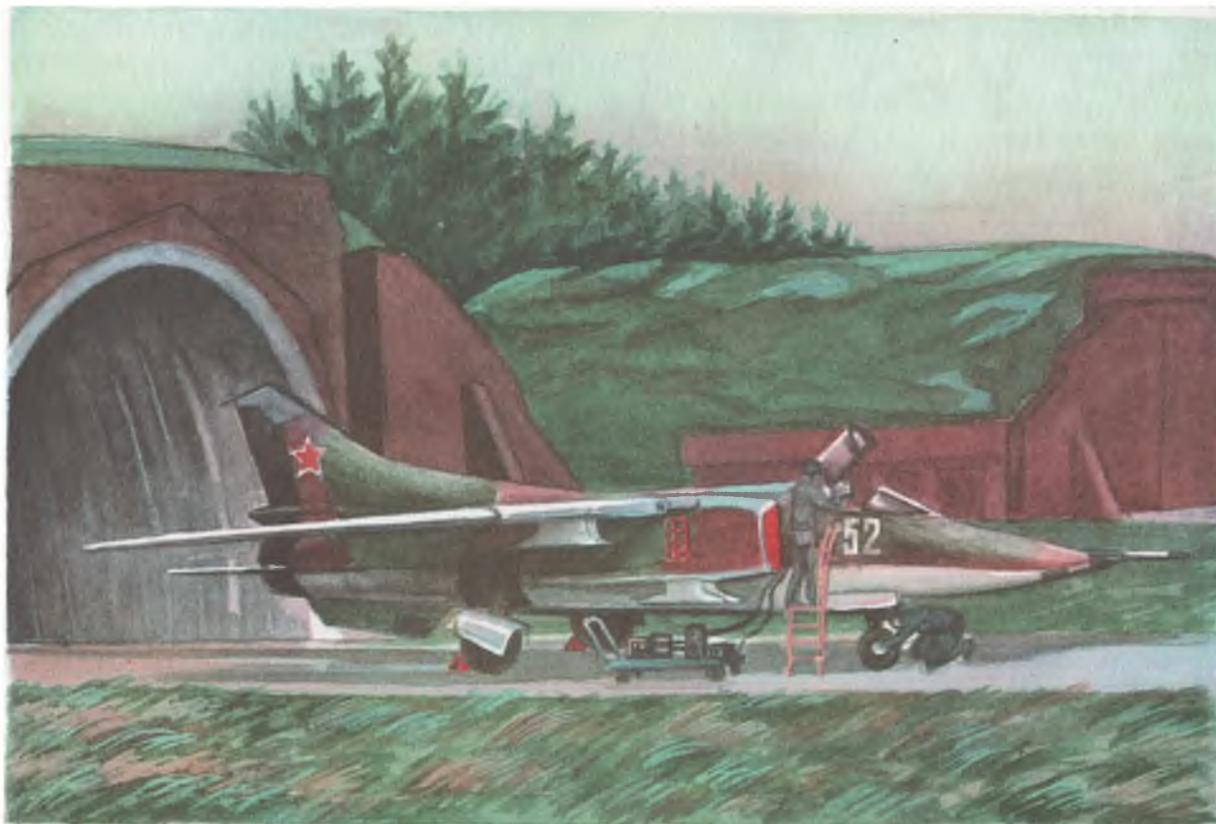
и говорит: «Товарищ майор, что хотите со мной делайте, а не могу вам не признаться: я сегодня ваш самолёт не весь осмотрел. Времени в обрез было, не успевал я, стыдно было сказать, что не успеваю, вот поторопился доложить: машина в порядке, к вылету готова. Себя успокоил: пустяки, мол, мелочи там остались, обойдётся. А как поднялись вы в воздух, как увидел я самолёт уже в небе—словами трудно передать, что я почувствовал! А ну, как, думаю, случится что-нибудь, я же виноват буду, я же сам себе во веки этого не прощу! Еле дождался, пока самолёт приземлился. Пусть теперь меня накажут, пусть».

«Что же тебя наказывать, Перчаткин,—говорю,—ты сам себя наказал».

«Теперь,—спрашивает он печально,—вы от меня откажетесь?»

«Да нет,—говорю,—Перчаткин, зачем же мне от честного человека отказываться? А ты, вижу, честный человек, правду от меня не стал скрывать, а это в нашем деле—самое главное».

С того дня я и поверил по-настоящему в своего техника. Знал: не прошли для него даром те минуты, когда был самолёт в воздухе, когда переживал он здесь, на земле, за меня...

ТАИНСТВЕННЫЕ КОРОБКИ

Пока майор Агеев рассказывал про техника Перчаткина, моё внимание привлекли два солдата.

Один из них с металлической плоской коробкой в руках пробежал к двухэтажному зданию, которое возвышалось тут же, возле аэродрома. А другой — с такой же плоской коробкой — обратно, от двухэтажного здания к самолётам. И вид у обоих солдат был серьёзный, озабоченный. Сразу можно сказать: важное дело делают люди!

Наверняка любому на моём месте непременно захотелось бы разузнать: что это за такие таинственные коробки? И что в них скрывается? И зачем их носят туда и обратно? И отчего так торопятся солдаты? Вот сколько вопросов сразу!

Майор Агеев выслушал и сказал:

— Ну что ж, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдёмте посмотрим.

Майор Агеев открыл дверь, и мы вошли в большую комнату. Я остановился в удивлении. Мне показалось, я попал в научную лабораторию.

Здесь было тихо, окна занавешены плотными шторками. На столах горели лампы под колпаками. А за столами, склонившись над таблицами, сидели солдаты.

Один солдат внимательно рассматривал фотоплёнку.

Через плечо солдата я взглянул на плёнку: что там за снимки такие интересные?

Но я ошибся. Никаких снимков на плёнке не было. А по всей плёнке, во всю её длину, тянулись линии — толстые и тонкие, прерывистые и сплошные, прямые и зигзагообразные. Они то сходились пучком, то снова разбегались веером.

Настоящая головоломка!

— Опытному глазу,— сказал майор Агеев,— эта плёнка, эти линии всё о самолёте расскажут. И на какой высоте он летел, и с какой скоростью, и какие перегрузки испытывал, и как двигатель у него работал...

Летит самолёт, а на его борту, не останавливаясь ни на секунду, работают особые сложные приборы. Они-то и вычерчивают на фотоплёнке эти линии. Чего не заметит пилот — всё они увидят, всё запишут.

Приземлится самолёт — вынет солдат-механик коробку с плёнкой, принесёт сюда. Здесь её быстренько проявят — и вот вам, пожалуйста, весь полёт как на ладони.

Весь полёт можно заново проверить, проконтролировать. Если всё в порядке, можно опять подниматься в воздух, если нет — придётся подождать, пока не проверят самолёт, пока не выяснят инженеры, в чём дело...

Я с уважением посмотрел на солдат, которые по-прежнему сосредоточенно склонялись над таблицами.

И тут вдруг один солдат обернулся, и я глазам своим не поверил: это была девушка!

РЯДОВОЙ МАША ИВАНОВА

Солдата этого звали Маша. И фамилия солдата была Иванова. Рядовой Маша Иванова.

Ещё в детстве Маша очень любила читать книжки про войну, про наших храбрых пограничников, про танкистов и лётчиков. И когда училась в четвёртом классе, сказала однажды своим родителям:

— Я, как вырасту, пойду в армию. Стану военной лётчицей. Папа улыбнулся и сказал:

— Смотри-ка, что за решительная у нас дочка!

А мама ахнула и сказала:

— Выбрось немедленно такие мысли из головы! Разве женское это дело? Стань лучше портнихой или парикмахершей.

А старший брат Маши Ивановой, который учился в пятом классе, захихикал и сказал:

— Девчонок в армию не берут, поняла? Не берут! Не берут! Девчонки в армии никому не нужны! Поняла?

Маша же нахмурилась и ответила твёрдо:

— Всё равно я стану военной, вот увидишь!

Прошло шесть лет, а Маша не расставалась со своей мечтой. Написала она письмо в училище, где учат на военных лётчиков, объяснила, что и как. Скоро пришёл ей ответ на бланке с фиолетовым штампом: «Очень жаль, что приходится Вас огорчить, уважаемая Маша Иванова, но девушек мы в училище не принимаем».

Загрустила Маша. Только не такой у неё был характер, чтобы

отступать от задуманного. Набралась она храбрости, пришла в военкомат. Выслушал её военком, седой подполковник с Золотой Звездой Героя на кителе, и говорит:

— Могу тебе, Маша, помочь. Отлично сражались во время войны наши женщины-лётчицы. Но сейчас мирное время, и девушек мы в армию, конечно, не призываем, нет такой необходимости. Однако добровольно поступить на службу в армию ты можешь. Станешь связисткой, будешь служить в авиации. Согласна?

— Ещё бы не согласна! — отвечает Маша.

Так вот и попала она сюда, к лётчикам, овладела своей новой профессией. И хотя не летает она на боевом самолёте, а возьмёт в руки фотоплёнку и всё видит: вот тут лётчик пошёл в пике, тут увеличил скорость, тут нажал кнопку — сбросил бомбы...

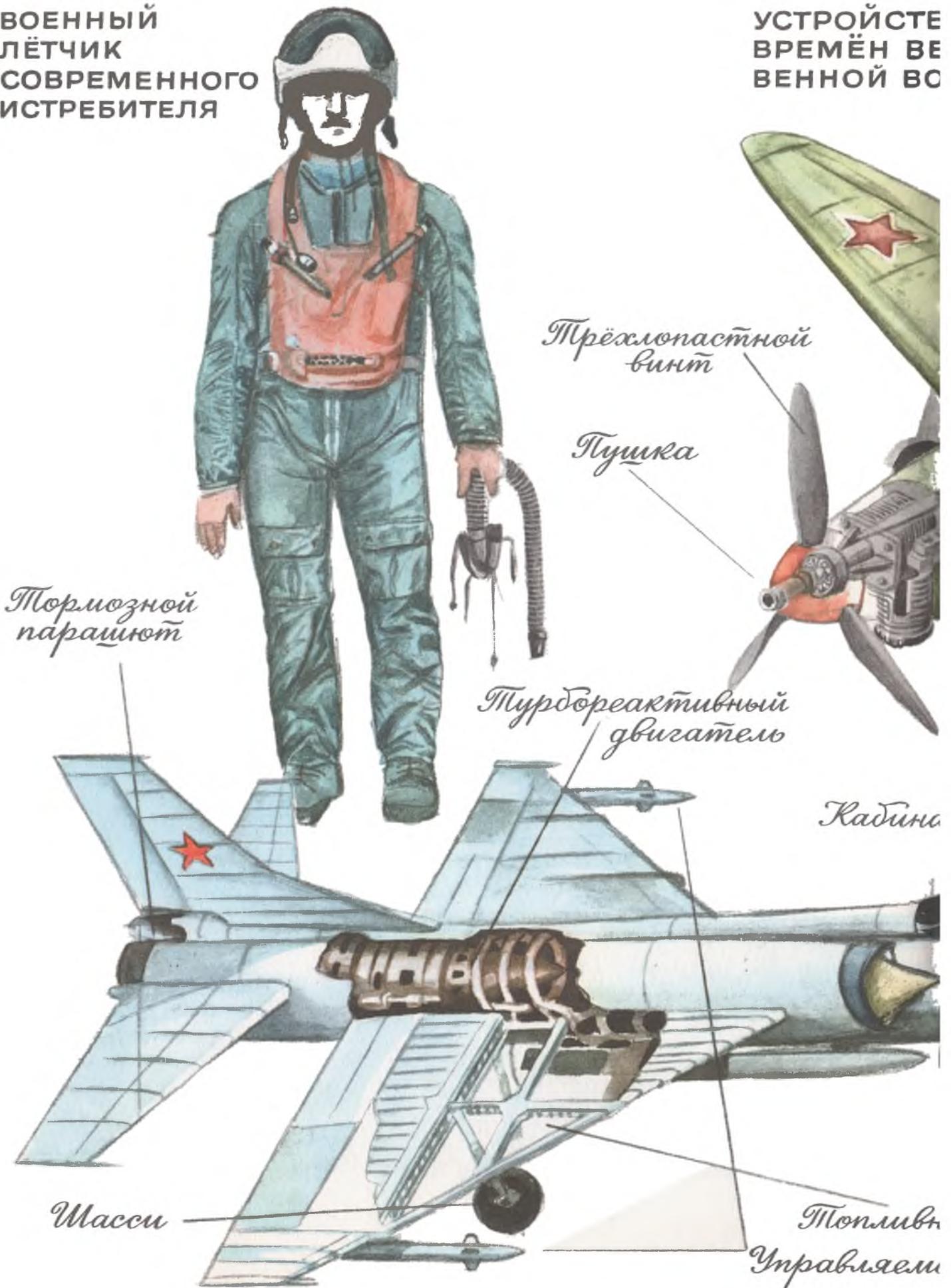
Всё может рассказать лётчику о его полёте. Будто сама вместе с ним побывала в небе. Вот какая у неё работа!

И теперь, когда приезжает Маша домой в отпуск, старший брат больше не смеётся над ней, а посматривает на неё почтительно — крепкий характер оказался у сестры, настоящий!

ВОЕННЫЙ
ЛЁТЧИК
СОВРЕМЕННОГО
ИСТРЕБИТЕЛЯ

УСТРОЙСТВА
ВРЕМЁН
ВЕННОЙ ВО

**О ИСТРЕБИТЕЛЯ
ЛИКОЙ ОТЕЧЕСТ-
ЙНЫ**

Антенна
Рулевая база

Шпангоут из фанеры
Обшивка

Топливный бак
Масси

Навигационные приборы
Радиолокатор

УСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО ИСТРЕБИТЕЛЯ

Носовое шасси
ые отсеки
е ракеты

ЛЁТЧИК ВРЕМЁН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАК ВАШЕ НАСТРОЕНИЕ?

Попрощались мы с Машей Ивановой и едва вышли в коридор, как столкнулись с очень мрачным человеком. Человек этот был одет не в комбинезон, как все лётчики, а в обычный форменный китель с погонами капитана. Он сделал вид, что не заметил ни меня, ни майора Агеева, но майор Агеев окликнул его:

— Что это ты, Бобриков, такой сердитый?

Тогда Бобриков остановился и в досаде махнул рукой.

— А ну его! — сказал он. — Этого доктора! К полётам, понимаешь ли, не допустил!

— Вот так так! — сказал майор Агеев. — А из-за чего?

— Да из-за ерунды! — сказал Бобриков. — Из-за двойки по пению.

— Из-за двойки? — изумился майор Агеев.

— Ну да, из-за двойки.

— По пению?

— По пению.

— Ничего не понимаю, — сказал Агеев. — Это ты, что ли, двойку получил?

— Да нет, зачем я? Лёшка, сын мой, второклассник.

— Ну и что? Ты-то здесь при чём? Тебя-то почему доктор к полётам не допустил?

— Двойка по пению, — сказал Бобриков, — это ещё полбеды. Так ведь он подделать её решил, нас с матерью обмануть! Двойку стёр, четвёрочку в дневнике изобразил — вот какая штука! Ну, по-

говорили мы с ним крепко, разволновался я, расстроился, лёг спать, никак уснуть не могу. «Неужели,— думаю,— мой сын трусливым лгунишкой вырастет?» Так до утра с этой мыслью на постели и проворочался, глаз не сомкнул.

А сегодня пришёл на осмотр, доктор мне сразу: «Как ваше настроение? Как спали?» Ну и так далее. А потом говорит: «Нет, в таком состоянии, Бобриков, я не могу допустить вас к полётам». И точка. Попробуй поспорь с ним!..

Бобриков огорчённо вздохнул и пошёл прочь.

— Да-а,— сказал майор Агеев.— С нашим доктором шутки плохи. Железный человек! Но и понять его можно: он за нас отвечает, за нашу жизнь. На современном самолёте порой секунды решают судьбу пилота, и если лётчик неважно себя чувствует, или взволнован, или рассеян — опасно ему подниматься в воздух. А с этим гражданином-второклассником Лёшкой Бобриковым,— добавил Агеев,— придётся, видно, мне потолковать по-мужски. Ишь ты, двойка по пению!

БЕЗРАБОТНЫЙ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

Майор Агеев продолжал ещё что-то говорить про Бобрикова, но моё внимание уже привлекла дверь с табличкой:

КЛАСС ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Оказывается, здесь лётчиков учат, как действовать, если самолёт потерпел аварию. Как выжить, если ты один в тайге или тундре, в пустыне или горах. Как костёр разжечь и как шалаш соорудить. Как без компаса определить, где юг, а где север. Какие грибы и ягоды есть можно, а какие — нельзя. Как сигналы бедствия подавать, как спасательным поясом пользоваться, если ты оказался в воде, и многим, многим другим премудростям.

Но сейчас в классе было пусто. Только за крайним столом сидел лётчик в комбинезоне и читал книжку.

— Здравствуй, Сергей Петрович,— сказал ему майор Агеев.— Скучаешь? Нет работы?

— Скучаю,— сказал Сергей Петрович.

— Ну и чудесно,— сказал майор Агеев.— Это хорошо, когда у тебя нет работы. Скучай дальше.

Станным показался мне этот разговор. Вокруг работа кипит, все заняты делом, а тут...

Я только хотел было сказать об этом вслух, как вдруг в радиодинамике, который висел в коридоре, что-то щёлкнуло и по всем помещениям разнеслось:

— Внимание! Поисково-спасательной группе срочно прибыть к вертолёту! Внимание! Поисково-спасательной группе...

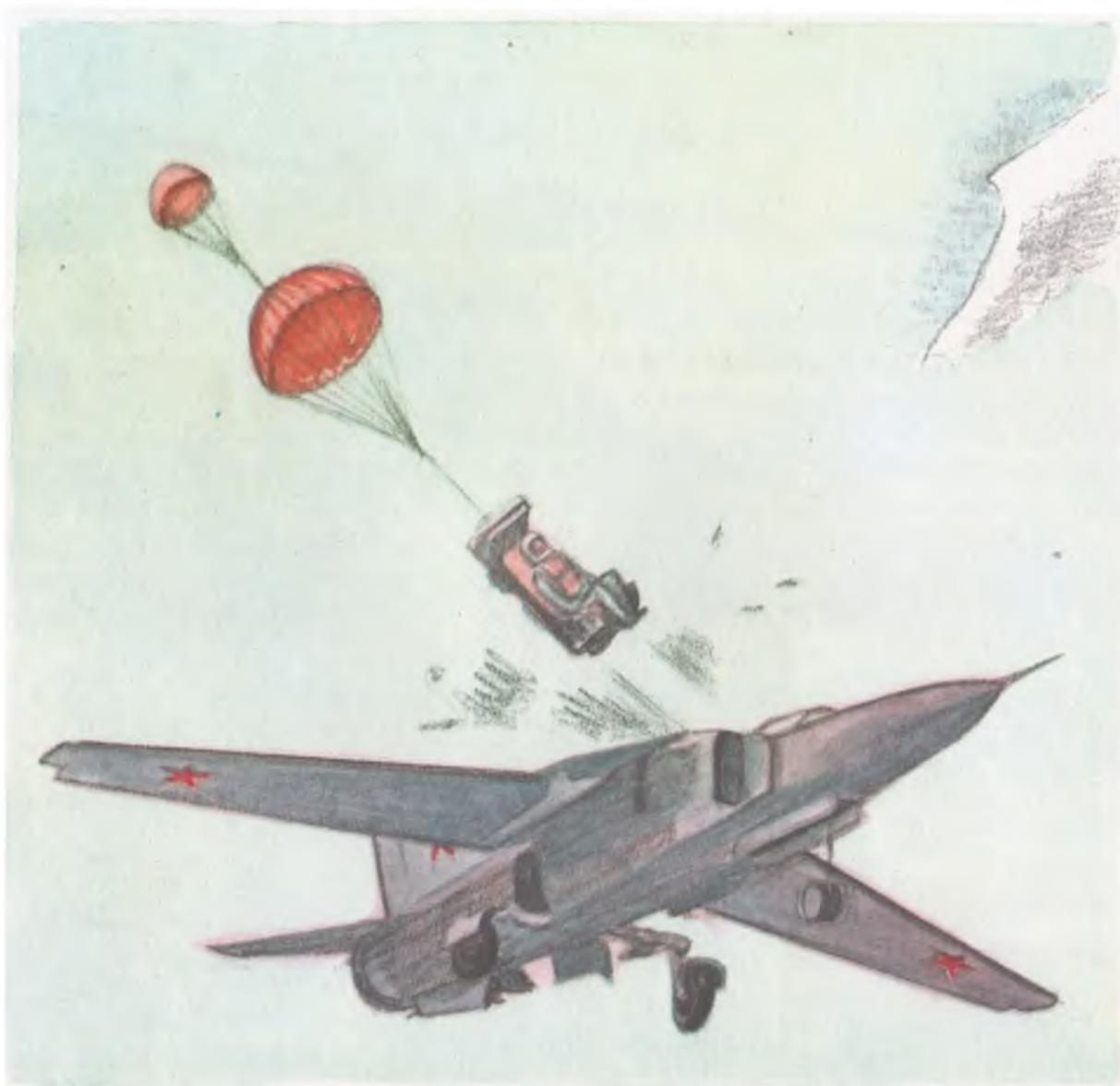
И едва раздался этот голос, Сергея Петровича уже не было в комнате. Он бежал к вертолёту. И ещё какие-то люди бежали туда же.

Но скоро я опять увидел Сергея Петровича. Сергей Петрович не спеша, вразвалку, возвращался обратно.

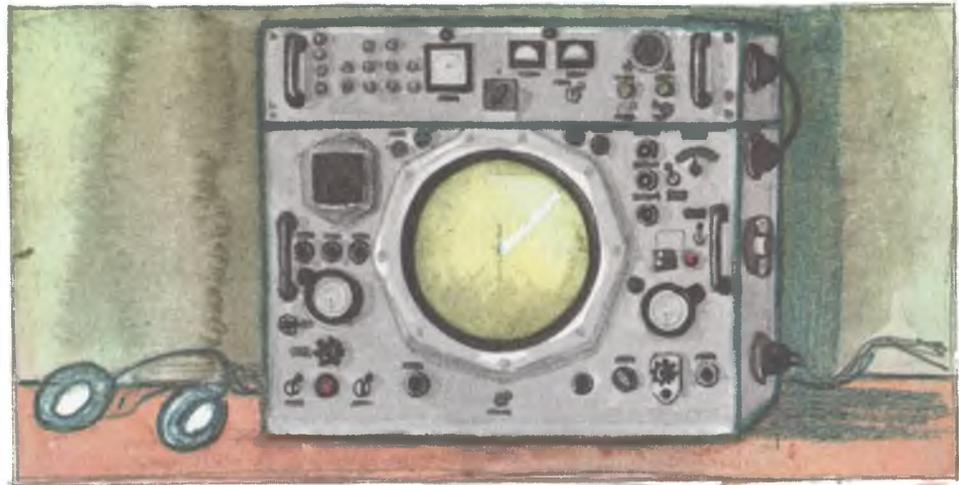
Уже потом я узнал, что произошло—была очередная тренировка.

Так и не пришлось вертолёту Сергея Петровича подняться в воздух.

Я вспомнил слова майора Агеева, которые сказал он Сергею Петровичу: «Это хорошо, когда у тебя нет работы!» И подумал: «А ведь и верно—хорошо!»

КАК Я НАБЛЮДАЛ ЗА ВОЗДУШНЫМ БОЕМ

— А теперь,—сказал майор Агеев,—мы с вами посмотрим воздушный бой. Хотите?

Смешно было даже задавать такие вопросы!

Я запрокинул голову и стал смотреть в небо.

— Э, нет,—засмеялся Агеев.—Напрасно стараетесь. Самолёты сейчас за сотню с лишним километров от аэродрома.

— Выходит, мы ничего не увидим?—упавшим голосом спросил я.

— Почему же не увидим? Увидим!—сказал Агеев.—Идёмте!

Шли мы довольно долго. Шли, шли и наконец оказались...

Впрочем, где мы оказались, я не сразу понял. Потому что глаза мои после дневного света ещё не привыкли к полумраку. Минуту спустя я увидел мерцающие оранжевым светом экраны радиолокаторов, различил фигуры людей, склонившихся над экраном. Тут же солдат-планшетист на большой прозрачной карте-планшете вычерчивал ломаные линии—маршруты самолётов.

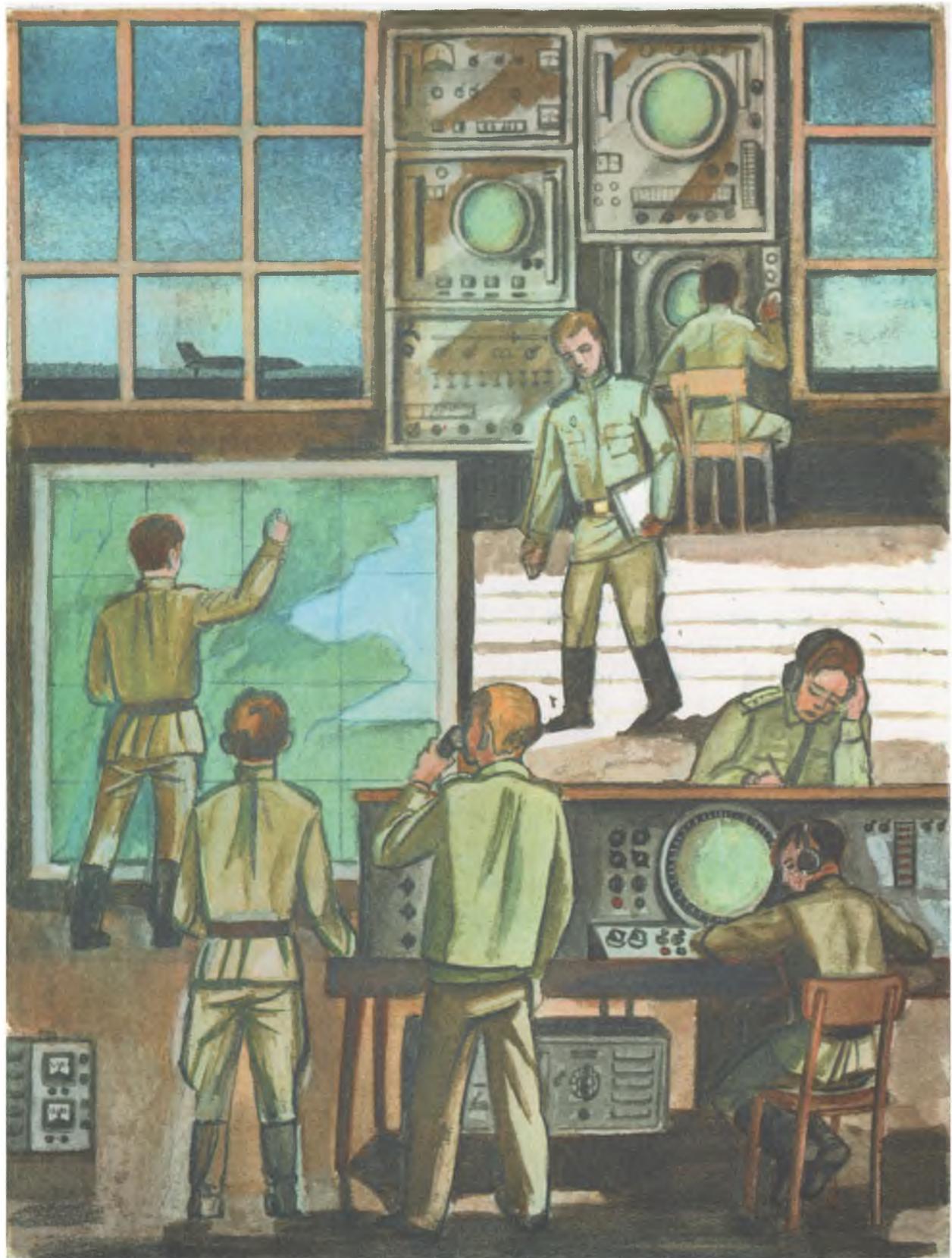
— Глядите сюда!

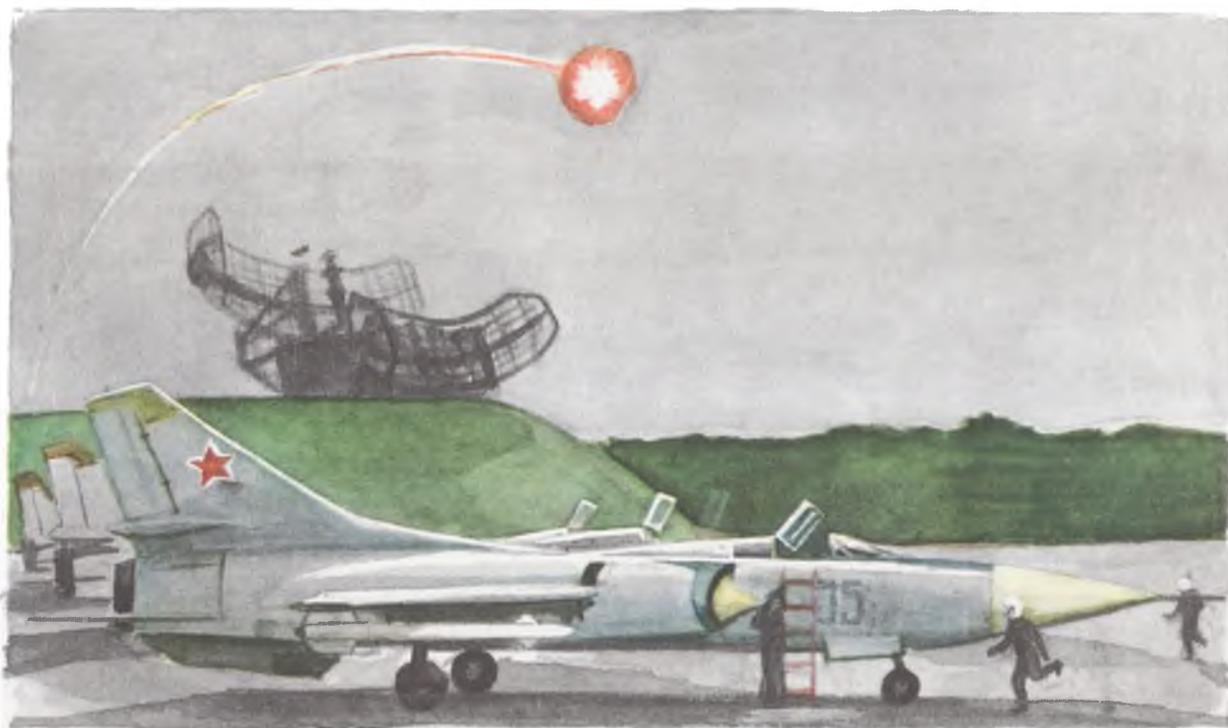
Агеев показывал на самый большой экран.

Возле экрана сидел офицер с наушниками и микрофоном. Он не отводил глаз от экрана, и лицо его было сосредоточенным и серьёзным.

А на оранжево светящемся экране я увидел маленькую яркую точку.

Это значит—в небе летит самолёт. Невидимые радиолучи, ко-

торые постоянно посылает радиолокатор, нащупали его, отразились от самолёта, словно лучи света от зеркала, и здесь, на экране, возникла светящаяся точка.

— Это чужой самолёт,—сказал майор Агеев.—То есть, конечно, на самом деле он свой, но сегодня играет роль нарушителя—противника. Радиолокатор обнаружил его, и мы следим за ним.

В эту минуту на экране возникла ещё одна светящаяся точка. Она быстро двигалась наперерез той—первой.

— А это уже наш,—сказал майор Агеев.—Идёт наперехват.

Два самолёта стремительно неслись сейчас высоко в небе, вдали от аэродрома. А здесь, на экране, две светящиеся точки, два крошечных их отражения, сближались—расстояние между ними становилось всё меньше.

Внезапно «чужой» самолёт изменил курс. Резко развернулся и пошёл вправо.

И точка на экране радиолокатора двинулась вправо.

А наш истребитель продолжал мчаться вперёд. Казалось, ещё мгновение—и самолёты разминутся. Неужели «противник» сумеет ускользнуть?

Дежурный офицер ещё ближе склонился к экрану и что-то говорил в микрофон.

И сразу вторая точка на экране словно приостановилась на секунду и, вдруг развернувшись, опять уверенно двинулась наперерез цели.

Но «противник» не собирался сдаваться. Теперь «чужой» самолёт, видно, пытался, сделать ещё один разворот и зайти в тыл нашему истребителю. Светящиеся точки на экране кружили друг возле друга.

Мы молча следили за этим поединком. Только голос офицера, склонившегося над экраном, нарушал тишину. Отсюда, с земли, он помогал нашему лётчику найти цель. Он сообщал о каждом новом манёвре «чужого» самолёта. Он управлял боем, который шёл сейчас высоко в небе.

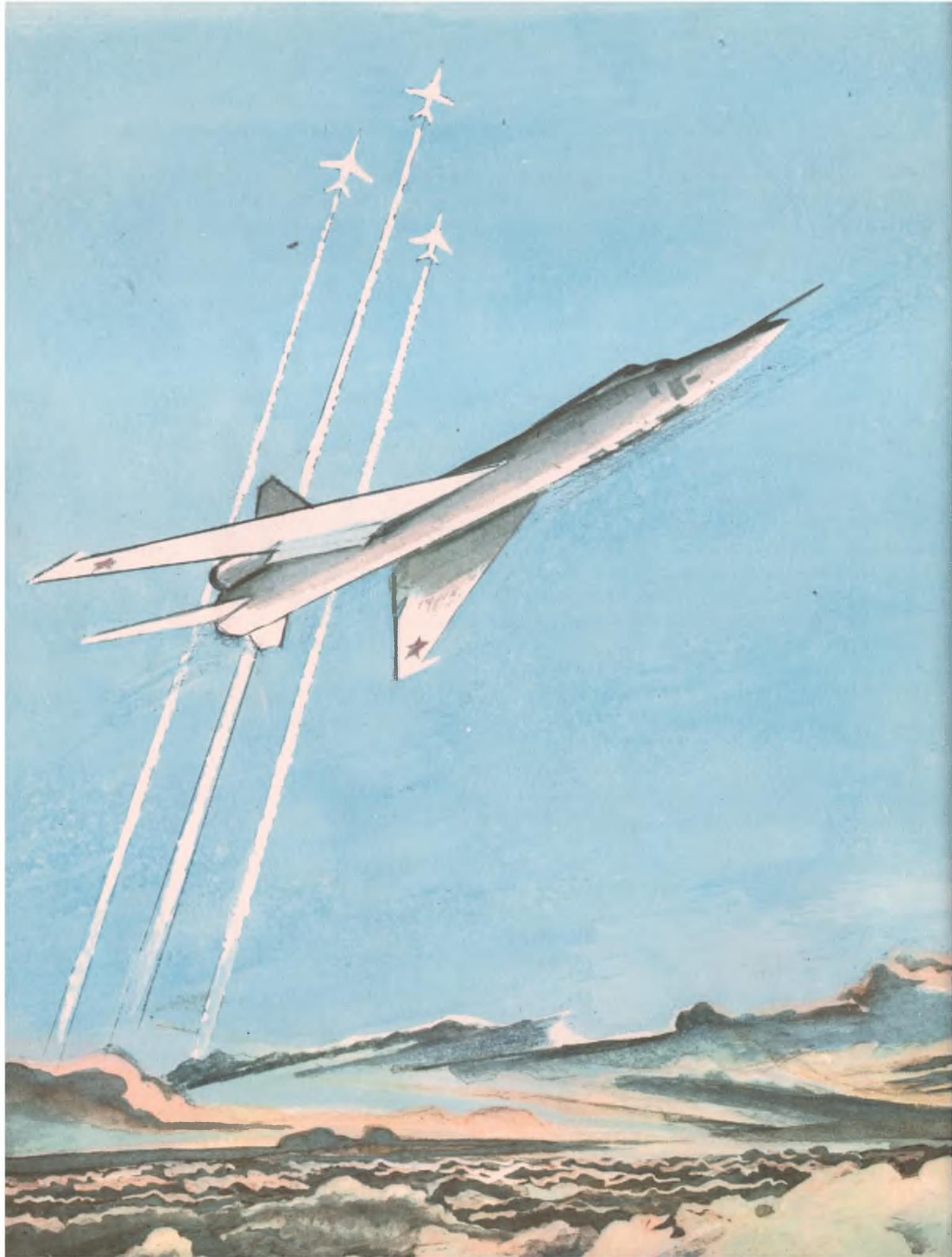
Потом я узнал, что должность этого человека так и называется: офицер боевого управления.

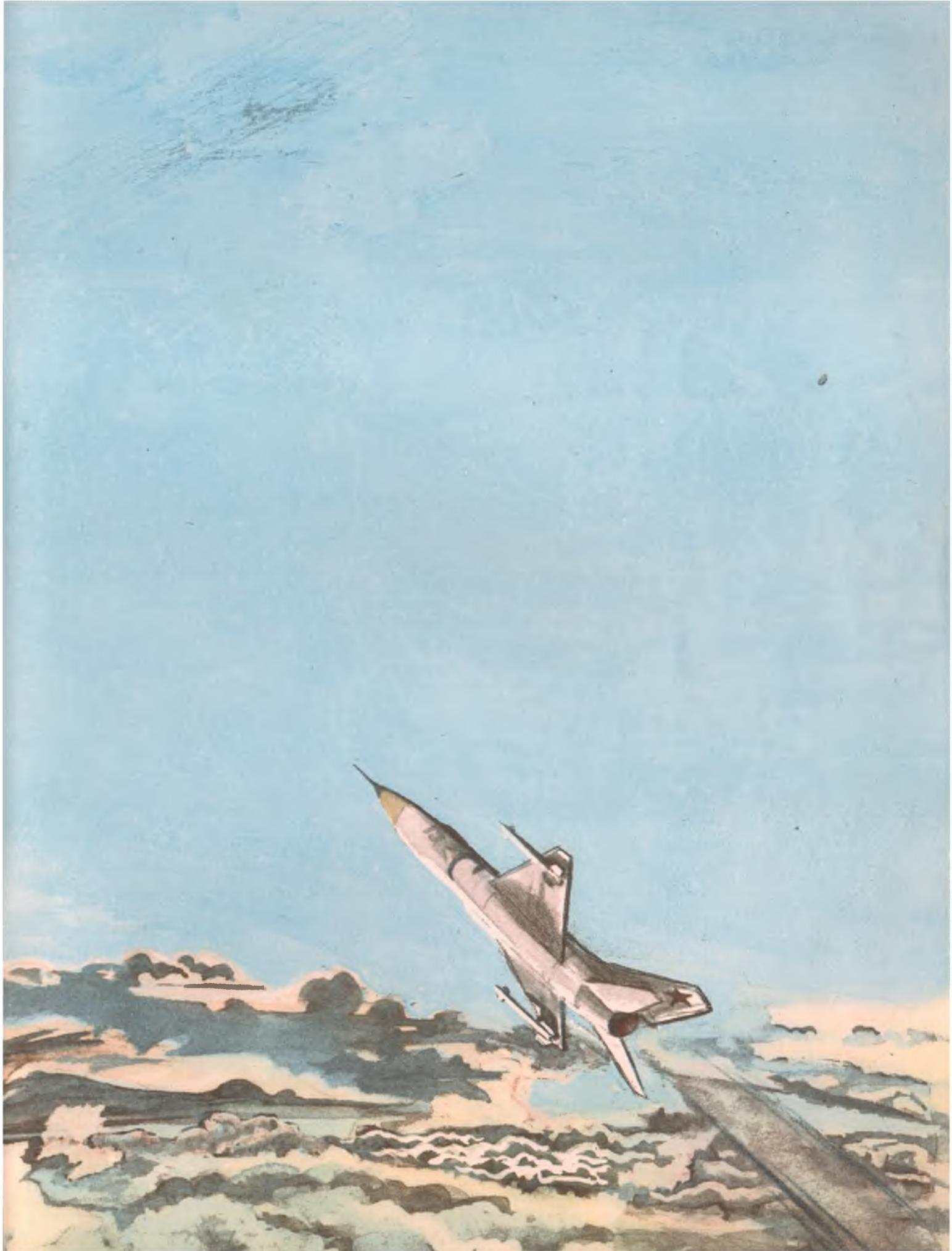
Всё меньшее расстояние разъединяло две светящиеся точки на экране. Вот они сошлись вплотную, почти слились.

— Есть! — сказал майор Агеев.

Там, в небе, в эти мгновенья пилот истребителя нажал гашетку фотопулемёта. Когда самолёты вернутся на аэродром, фотоплёнки расскажут, попал ли «противник» в прицел перехватчика и не прошла ли «очередь» мимо, расскажут, кто из двух лётчиков оказался искусней, кто победил в воздушном бою.

ВОТ И СУДИТЕ САМИ

В этот день мы ещё побывали:
у радистов, которые обеспечивали связь земли с самолётами;

у солдат-прожектористов, которые готовились включить мощные прожекторы, чтобы освещать взлётную полосу;

на метеостанции, где нам рассказали, какая ожидается погода;

в лётной столовой, где нас накормили сытным ужином;

и наконец — у руководителя полётов.

Здесь, на аэродроме, руководитель полётов — самый главный человек. Без его разрешения не поднимется в воздух ни один самолёт. Всё, что происходит во время полётов и в небе, и на аэродроме, знает руководитель. За всё отвечает.

— Ну а теперь, — сказал мне майор Агеев, — вы и сами можете посчитать, сколько разных людей готовят лётчика к полёту, сколько разных людей помогают лётчику, когда он в небе...

И я стал считать:

— Инженеры, техники, метеорологи, связисты, радиолокаторщики, прожектористы...

— Ещё солдат аэродромного обслуживания забыли, — сказал Агеев. — Это они готовят аэродром, содержат его в чистоте и порядке.

— И поисково-спасательную группу, — сказал я.

— И поваров, — сказал Агеев.

— И строгого доктора,—сказал я.

Майор Агеев посмотрел на меня и засмеялся:

— Вот и судите теперь сами: разве можно говорить про лётчика, что он остаётся один в небе?

Я лично скажу так: нет, никогда не чувствует лётчик себя одиноко в небе. Потому что знает, как много людей здесь, на земле, думают о нём, беспокоятся за него, как много людей работают ради того, чтобы полёт был успешным.

35 коп.

Для младшего школьного возраста

Борис Николаевич Никольский
КАК ЖИВЕТ АЭРОДРОМ

Художник Ю. Копейко

Редакторы Л. Архарова, Е. Рыжова.
Художественный редактор О. Водерников.
Технический редактор М. Копылова. Корректор С. Бленкштейн.

ИБ № 2076

Сдано в набор 02.10.86. Подписано в печать 11.08.87. 60×90/8. Бум. офс. № 1.
Гарнитура жури.-русл. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0.
Уч.-изд. л. 3,82. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1568. Заказ № 1293. Цена 35 коп.
Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им.
50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

И 4803010102—057 68—87
М102(03)—87

© Издательство «Малыш» 1980

© Иллюстрации. Издательство «Малыш» 1987